

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
Н67

Художник
Валерий Калныньш

Наум Ним
Н67 Юби : роман / Наум Аронович Ним ; предисловие Дмитрия Быкова. — М. : Время, 2020. — 320 с. — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1984-0

Предыдущий роман Наума Нима удостоен премии имени братьев Стругацких, он был сочтен фантастическим. Этот роман тоже своего рода фантастика — настолько он фантастически реален и точен. Известно время действия — тридцать с лишним лет назад, 28 мая 1986 года (напомним, это день приземления немецкого летчика Матиаса Руста на Васильевском спуске у Кремля). Известно место действия — бесконечно далекий от Кремля городок Богушевск в Витебской области. Известно все, что потом случилось со страной и ее жителями. Чтобы не оставалось совсем ничего неизвестного, расшифруем и название книги: «Юби» — это призыв «Люби» в фонетике одного из героев, подростка, как сказали бы теперь, с особенностями развития, а тогда именовавшегося просто придурком. Предисловие к роману написал Дмитрий Быков, искренне восхищенный и книгой, и ее автором. «Перед вами одна из главных книг одного из главных русских писателей. Когда-нибудь это будет понятно всем», — обещает Быков. Чтобы снова не ждать тридцать лет и сразу попасть в число тех, кому все станет понятно уже сейчас, книгу нужно непременно прочесть.

ISBN: 978-5-9691-1984-0

ББК 84(2=411.2)6

© Н. Ним, 2020

© Состав, оформление, «Время», 2020

Дмитрий Быков

Бог с Ним

Обычно в предисловии разъясняется, кто такой автор и почему вам необходимо приобрести его сочинение. Наум Ним не нуждается в рекомендациях — по крайней мере в моих, потому что я, как говорится, недостойн застегивать ему сандалии. Ним — известный правозащитник, главный редактор журналов «Досье на цензуру» и «Неволя», жестокий и мрачный прозаик, чьи наиболее известные произведения — «Звезда светлая и утренняя» и «До петушиного крика» — рассказывают о советской тюремной системе. Его предпоследний роман «Господи, сделай так!» удостоен премии братьев Стругацких — это первый опыт Нима в жанре фантастики. Многие из героев «Юби» впервые — правда, мельком — появляются именно в этом романе. Но чтобы понять «Юби», читать предыдущие книги Нима не обязательно. Лично мне из всего написанного им больше всего нравится небольшой рассказ «Витэка сказал», опубликованный в свое время под псевдонимом Сергей Хвоц (не буду вдаваться в причины, так надо было). При желании эту вещь можно найти в интернете. Рассказ не просто хороший, но, я бы сказал, эталонный — о том, как Бог открывается не искавшим его, да много еще о чем.

Что касается самого романа, который перед вами — он тоже не нуждается в рекомендациях. Ним всегда рассказывает увлекательно, динамично, точно, зная, какие читательские страхи и надежды задеть в первую очередь. Эта книга может вам не понравиться — и даже, допускаю, не хочет вам нравиться — но оторваться от нее трудно, что умеет, то умеет. Хотелось бы обратить читательское внимание на три вещи, которые можно, конечно, назвать спойлерами, но никаких сюжетных тайн они не раскрывают.

Первое. В романе описывается один день с четырех разных точек зрения, показанный глазами четверки главных героев. Это 28 мая 1986 года — эпоха переломная, точка критическая, перестройка еще толком не началась, но уже буксует. Читателю полезно об этом помнить, чтобы не пугаться в обстоятельствах.

Второе. Этот роман — один из многих сегодня (можно сказать, что это даже тренд), где описывается жизнь диссидентов. Мы много знаем о том, как она проходила в столицах, но роман Нима призван высветить всю глубину ада советской провинции. Что такое инакомыслие в этих обстоятельствах — многие попросту не представляют. Одна из авторских задач — не главная, но существенная — как раз в том, чтобы показать всю катастрофичность героизма, который не приносит ни славы, ни удовлетворения. Только унижение, позор, ощущение затравленности, бесконечное сомнение в своей правоте и никаких перспектив.

И третье. Автор пытается описать жизнь настолько изжитую, до дыр заошенную, жизнь, в которой начисто скомпрометированы все ценности — что даже завет «люби» воспринимается как полная чушь. Все обесмыслилось. И может быть, репортаж из 1986 года — всегда, как у Нима, точный и дотошный — объяснит сегодняшнему читателю, почему перемены в России были неизбежны, и почему они были благотворны, и почему они все-таки запоздали — а потому иначе кончиться не могли.

Последняя ремарка — скорее для того читателя, который уже дочитал книгу. Если после всего прочитанного и сказанного посыл этого короткого, умного и сдержанного романа остался читателю непонятен, я бы посоветовал ему задуматься прежде всего о том, почему герой по фамилии Угуч обладает способностями, которых не дано другим. Или, иными словами, почему абсолютный, казалось бы, недоумок один еще способен удержать распадающуюся ткань мира. Но это я уже вторгаюсь в области, о которых автор предисловия говорить не должен.

Должен же он, по-моему, сказать, что перед вами одна из главных книг одного из главных русских писателей. Когда-нибудь это будет понятно всем, и тогда книги Нима будут выходить с совсем другими предисловиями — где будут излагаться научные данные о первых изданиях и о биографии автора. Наверное, надо что-то на эту тему сказать и сейчас. Ним родился в Богусhevске (где и происходит действие книги) в 1951 году, его настоящая фамилия Ефремов, он сразу вводит себя в текст романа, чтобы у читателя не возникло подозрение, будто он прячется в ком-то другом. Сейчас он живет и работает в Москве. Книга выходит в издательстве «Время», потому что остальные издатели расхвалили роман и сказали, что печатать его нельзя. Впрочем, говорил же Борис Стругацкий, что времени страх неведом — ему бояться нечего.

1

Недоумок

— Что он тебе сказал? Что?..

Физкультурный учитель сжамкал крепкими кулачками Угучеву рубаху и тряс его за грудки, не давая перевести дух. Угуч был на голову выше учителя и с легкостью мог бы высвободиться из его цапких кулачков, если бы только такая мысль пришла ему в голову, но его голова, и без того не особо сообразительная, совсем отключилась и только дергалась взад-вперед, впустую клацая зубами.

— Ты че творишь? — В проеме двери служебного входа на кухню стояла тетя-Оль, и звучный ее голос наполнял всю школьную территорию. — Смотрите, люди добрые... Сауладал с убогим. Ты ровню сабе отшукай... Ишь зенки бесстыжие вылупил!..

Никто не мог спорить с тетей-Олей. Даже сам директор школы-интерната менялся голосом, и все его «я не допущу» тут же превращались в разговор с ней в «пожалуйста, не забывайте»...

Да и кто бы смог устоять! Глаза, чуточку ухватив ее в поле обзора, тут же поворачивали всего тебя ей навстре-

чу, и надо было сделать немалое усилие, чтобы отвести их в сторону и следовать дальше по своим делам, которые и вспомнишь-то не сразу. Звонкое тело теть-Оли внатяг заполняло столовский белый халатик, и только пуговицы маняще поскрипывали да постанывали в крепких петлях. Даже не верилось, что обычные пуговицы могут сдерживать такой зовущий напор, и сил не было отвернуться, потому что отвернешься и вот оно — освобождение красоты, а ты все пропустил. Только в холодную пору жизни вся эта телесная звонь как-то упрятывалась из виду, и можно было более-менее нормально общаться с теть-Олей, которую в это время чаще всего звали Ольгой Парамоновной. Вот если бы лето было круглый год, то была бы здесь совсем другая жизнь и у Ольги Парамоновны, и у всех нас...

Понятное дело, физрук отцепился от Угуча и кроликом потянулся на манящий голос поварихи (всегда манящий, о чем бы он ни кричал, ни говорил, ни приговаривал).

«А еще чекист», — подумал Угуч, шмыгая за угол. Земля продолжала раскачиваться вперед-назад и ступать по ней надо было с осторожностью.

Ничего хорошего думать про напавшего на него учителя Угуч не мог, хоть будь тот и вправду самым настоящим чекистом. Недомерок — и все тут... Свисток-с-кепкой.

Такие меткие прозвища слетали с острого язычка все той же теть-Оли, припечатывая много кого и прилипая раз и навсегда. Угуча вот с ее подачи прозвали Недоумком. Правда, после того, как Лев Ильич устроил скандал в учительской, в глаза его так не звали из высоких воспитательных соображений, а школьники еще раньше перестали его так дразнить, потому что Угуч как-то вдруг стал громадным

и крепким. Но все равно давняя обида вспомнилась и плесканула в сердце. А как тетя-Оль только что защитила его от Недомерка? Вроде и защитила, а вроде и обозвала по-обидному...

* * *

Еще вчера Угуч помогал тетя-Оле на кухне, и никакие обиды даже и не витали вблизи его замершего сердца. Лучше всего было вперегонки с ней чистить картошку. Они сидели друг против друга над огромной кастрюлей, стоявшей между их расставленными ногами, и Угуч боялся поднять глаза выше кастрюли. Боялся, но все же украдкой косил, а иногда мимолетно взглядывал чуть повыше, пытаясь углядеть что-то за расстегнутыми по случаю жары верхними пуговками белого халата.

Эта работа на кухне была почти ежедневная добровольная повинность Угуча, а когда пару недель назад тетя-Оля неожиданно прислонилась к нему жарким бедром и засмеялась: «Ого, да у тебя уже и женилка выросла», Угуч сразу понял, что после школы первым делом поженится на ней, и они будут каждый день хозяйничать на этой кухне как им только вздумается.

Угуч даже впервые посожалел, что дважды оставался на второй год, а мог бы окончить школу на пару лет раньше и тут же пожениться на тетя-Оле, а теперь жди еще целую вечность...

Добровольным помощником на кухне Угуч стал не из-за бескорыстного обожания тетя-Оли. Надоумил его на это

дело Дмитрий Степанович, школьный завхоз и неутомимый организатор всяких массовых работ по поддержанию вверенного ему хозяйства — от покосов всего, что растет, до покрасов всего, что гниет. Где-то на этих трудовых праздниках он и заметил сильного и ловкого Угуча.

— Табе эта вся учеба без патрэбы, — наставлял завхоз малолетнего тезку. — Это пуцай те, у кого голова крепкая... Оне по училищам пристроятся и как-то проживут. А те, мил-друг, один путь отседа — в дурку. Вот и надо те заране о себе похлопотать. Там помогай, тут помогай, глядишь — к тебе и привыкнут, а когда школу закончишь, тебя и оставят работать в помощь другим... А не то — в дурку, а там, мил-друг, не сахар... Ой, не сахар...

Может, завхоз шутил, а может, хотел часть своих забот переложить на крепкого паренька и в полный мах предаваться безмятежной праздности, изредка выговаривая малосообразительному работнику за нерадивость скрипучим директорским говорком. А может, Дмитрий Степанович на полном серьезе учил Угуча уму-разуму, по-своему беспокоясь о его будущем, которое все эти школьные педагоги, конечно же, обеспечить не смогут.

В любом случае завхозовы слова нашли благодарного слушателя. Угуч очень даже хорошо знал, что дурка — не сахар. Позапрошлой зимой кто-то умыкнул из столовой трехлитровую банку сахарного песка, а ночью обнаружилось, что вся Угучева рожа перепачкана прилипшими сахарными крупинками.

Упекли его в психушку на все зимние каникулы, и, вдоволь натерпевшись да насмотревшись тамошних порядков, Угуч понял, что жизнь надо прожить так, чтобы быть

подальше от дурки. Долго еще он просыпался в ужасе среди кромешной ночной тьмы и несколько страшных мгновений соображал, где это он лежит, а сообразив, что не в дурке, — засыпал совершенно счастливым...

Теперь Угуч изо всех своих не по возрасту недюжинных силенок помогал в хозяйственных делах огромной школы. Труженики котельной, прачечной, автомастерской, кухни и разных иных служб всегда были рады сачкануть и переложить какую-либо грязную работу на Угуча. И вот сейчас Угуч вдруг сообразил, что раз его все равно считают убогим и недумком, то хоть разбейся в лепешку, а все без толку. А коли так, кто ж его оставит в работниках после школы?.. И разве теть-Оль поженится с ним, если тоже считает его убогим?..

Славно распланированная будущая жизнь рушилась в прах...

* * *

Правда, были у Угуча и другие варианты обустройства будущего, но, похоже, и там все полетело под откос.

Самую желанную мечту про дальнейшую жизнь принес Махан — Вася Маханов, который появился в начале этого вот, считай, уже оконченного учебного года в шестом классе, где на задней парте отсиживал уроки Дима Угучев по прозвищу Угуч. Чаще всего Угуч прогуливал уроки с молчаливого согласия почти всех учителей, считавших, что Дима проведет время с большей пользой где-нибудь в прачечной.

В общем, Угуч с удивлением обнаружил Махана за своей партией, но турнуть не успел.

— У меня к тебе дело, — прошептал Махан, критически осмотрев Угуча, — секретное. Я тут не просто ля-ля-буквари, а со спецзаданием...

Оказалось, что их отцы (и отцы еще нескольких учеников этой лесной школы-интерната для легочников) работают советскими разведчиками в Америке (совсем как Штирлиц), и Махана специально послали для связи и поддержки, потому что его отец там, в Америке, руководит остальными отцами, а Махан должен руководить и заботиться здесь...

Малорослый и шептливый Махан удивительно ладно подходил к своей фамилии и, соответственно, к прозвищу. Он не мог ни сидеть, ни говорить спокойно. Махал руками, щелкал пальцами перед глазами слушателей, гримасничал и дергал плечами и даже потопывал в помощь своему стремлению подчинить всех вокруг пацанов (приглядываясь уже и к девчонкам). Сам Махан объяснял свою неуемную жестикуляцию тем, что целый год был в побеге из детдома и жил с уголовниками, а у них принято так выражать свои мысли.

Были уголовники или не были, но вернее всего директор Дома малютки, куда Махан попал в неразумном возрасте, был физиогномист от бога и весьма удачно припечатал младенца фамилией Маханов. Кстати, вполне может быть, что он же парой лет раньше нарек Угуча Угучевым...

Сам Махан настаивал, что все дело в уголовниках. Разумеется, и уголовники появились не сами по себе, а по заданию разведцентра, который таким образом прятал Ма-

хана от американских шпионов, чтобы они не могли его похитить и потом этим шантажировать отца. А потому всем им — детям разведчиков надо быть начеку, никому ни гу-гу и во всем слушаться Махана.

Все клялись самым страшным, жрали землю и выцарапывали из ладошек кровь, которую надо было слизнуть в закрепление клятвы...

* * *

Еще одна мечта о послешкольной жизни появилась на год раньше, чем мечта, принесенная Маханом. Тогда Угуч начинал учебный год в пятом классе (а по возрасту мог быть в седьмом), и в школу пришел новый учитель Лев Ильич, — он и стал классным начальником у пятиклашек — одноклассников Угуча. Заодно он вел уроки математики и всякие другие занятия, когда приходилось заменять заболевших или где-то пропадавших учителей и воспитателей.

Знаменит Лев Ильич стал даже раньше своего появления в школе, потому что оказался он здесь по рекомендации прежнего учителя, а того прежнего посадили в тюрьму за продажу родины.

— Один жид пристроил на свое место другого жида, значит, место хлебное... — рассуждал в кочегарке завхоз Степаныч, разливая чернила в два стакана — себе и Григорию Недобитку, главному своему работнику хоть по котельной, хоть по гаражу.

— И чем же оно хлебное? — поинтересовался Недобиток, приняухиваясь к подозрительному пойлу.

— А вот веришь — не знаю. Но хлебное... — Степаныч собрался с духом и опрокинул стакан... Отдышался. — Жид на другое не пойдет... — Он некоторое время молча пережевывал соленый огурец. — А ничего себе винишко. Думал, совсем отравя, а оно и ничего...

* * *

Лев Ильич был молодым, веселым, заводным и смешным. Он не выговаривал чуть ли не половины букв в словах и когда при первом появлении в классе объяснял, как к нему обращаться, все покатились со смеху — получилось Йеф-Иич. Так его и прозвали, сократив со временем отчество до короткого Ич, а иногда безо всякого отчества — просто Йеф.

Но — удивительное дело, — когда Йеф начинал говорить, когда заводился и увлекался, — слушатели переставали замечать, что он чего-то там не выговаривает и где-то там картавит. А может, он даже и переставал картавить, и все звуки стройно становились на положенные им места.

Кстати, тетя-Оль сразу прилепила к нему прозвище Недотепок, но не какой-то там неумеха-недотепок, а как-то даже жалостно — недотеепок. В общем, звучало не обидно, по крайней мере от самой теть-Оли.

Главное, что Недотепок был не один. К нему должна была приехать из самой Москвы семья, и целую осень Йеф-Ич перестраивал старую и с виду негодную школьную квартиру на втором этаже древнего кирпичного дома, первый этаж которого был занят разными складскими помещениями. В по-

мощь ему подтянулись из поселка друзья прежнего учителя, который сидел сейчас, как мы знаем, за продажу родины... Угуч по собственной воле был на этой стройке самым первым помощником, и как ему ни втолковывали, что это нельзя, что не должен, мол, учитель пользоваться трудом ученика, все равно, Угучу эти резоны что горохом о стену...

— Жиды завсегда друг за дружку... Кажинный норовит другому пособить...

— Вядомае дело...

Работяги школьных хозяйственных служб понимающе поцокивали, глядя на спорый ремонт запущенной квартиры. Они были совсем не прочь тоже включиться и чего-нибудь сделать да в чем-нибудь подмогнуть (не бесплатно, разумеется), но их не звали.

— Слушай, — обратился к Недотепку парень из поселка, которого звали Серегой, — а почему это они все жужжат «жиды да жиды»? — Ладный Серега кивнул на зрителей из школьных работников. — Ты еврей, что ли?

— Азумеется, — подтвердил Йеф.

— Вот так номер, — присвистнул Серега. — Я вообще-то евреев как-то не очень...

— А как же ваш и мой долг? — остолбенел Йеф.

— Какой друг? — не врубился Серега.

— Ним. — Похоже, и Йеф ничего не понимал. — Наум Ним, который нас долг с долгом....

— Наума? — удивился в ответ Серега. — Тимка! — позвал он. — Мешок! Идите сюда! Слушайте, чего он гонит!

Друзья, утирая пот, разогнулись и подтянулись поближе.

— Че стряслось? — поинтересовался Тимка, прополаскивая рот водой.

— Он говорит, что наш Наума — еврей...

— Я вообще-то евреев не очень, — недоверчиво протянул Тимка, — но помню, что-то такое Наума говорил.

— Точно говорил, — вступил Мешок. — Еврей, без сомнений.

— Тогда другое дело, — тяжело вздохнул Серега. — Тогда я к евреям всей душой...

* * *

Квартира была готова к первым холодам, и сразу же к Йефу прикатила жена с сыном Даниилом, обезноженным загадочной хворобой с непроизносимым названием. Но про это узнавали погодя, а первым делом все замирали, глядя на Йефову жену. Надежда Сергеевна была невероятно пригожа нездешней, киношной какой-то красотой и с первого шага сразу же отодвинула далеко назад всех школьных красавиц, включая даже тетю-Олю. Только вот жила Надежда Сергеевна словно на ощупь, как потерянная...

— Несмеяна, — выдала тетя-Оль свое фирменное. — Хотя, по правде кажучи, и не придумать, с какой радости ей смеяться...

Угуч буквально прилип к сыну Йефа. Даниил был по годам ровень Угучу, но, щуплый и хрупкий, из-за болезни казался Угучевым младшим братом.

Они натурально срослись друг с другом. Угуч сажал Даниила себе на плечи, и перед тем открывался огромный и ранее недоступный мир. Куда там креслу-коляске гоняться за крепким и быстрым Угучем!.. Да и не за Угу-

чем вовсе, а за кентавром Дим-Даном, как сразу же прозвал их Йеф-Ич, объяснив Угучу, что жили когда-то такие диковинные существа в Греции, только у них было по две руки и четыре ноги, а у Дим-Дана — наоборот. Угуч даже не придерживал своего всадника — так ладно чувствовали они друг друга. Йеф мужественно замирал, глядя на их стремительный бег с прыжками через разные пни да колдобины, а вот Надежда Сергеевна бледнела в полотно и спешно отворачивалась.

— Я не могу этого видеть, — говорила она Йефу... и Угучу... и Даниилу.

— Мам, а ты и не смотри, — отзывался сын.

— Трусиха наша, не отнимай у Данилы такую радость, — вторил сыну Йеф.

— Угу, — соглашался с ними Угуч.

* * *

Ясное дело, к Даньке в комнату Угуч шастал, как к себе домой, хотя никакого дома у него отродясь не было и он знать не знал, как туда шастают. Понятна и уверенность Угуча в том, что Йеф оставит его после школы рядом со своим сыном. Может, усыновит, а может, и просто оставит. Угуч не знал, как это будет выглядеть в разных скучных деталях, и про эти детали не думал. Это же был не план действий, а мечта. И кто бы решился осмеять эту его мечту!..

До сегодняшнего неправильного дня, до недавнего странного нападения Недомерка и до обидного заступни-

чества теть-Оли Угуч хранил и взращивал эти свои три мечты. И вот в один день все они расплзлись так, что и не ухватить...

Еще вчера он затруднялся в выборе мечты, по которой станет проживать свое послешкольное будущее. Хорошо, конечно, пожениться на теть-Оле и ходить по здешней кухне-столовой полным хозяином. Но и с героем отцом уехать отсюда под завидушими глазами всей школы — тоже хорошо. И хорошо остаться в семье Йефа, даже и при откровенной и такой несправедливой неприязни к нему Надежды Сергеевны.

Иногда Угуч пытался совместить разные мечты в одну свою жизнь, но получалась полная ерунда. Ну вот, например, несется он кентавром Дим-Даном по лесной тропе, а рядом теть-Оль в подвенечном платье. Разве ж она угонится за кентавром?.. А как можно свести вместе отца — самого настоящего чекиста и Йефа, друг которого продал родину?.. А Недомерок говорит, что и сам Йеф продает родину. Как же его соединить с отцом-чекистом?..

Угуч представил, как его отважный отец-разведчик, похожий на Штирлиц, подходит к ослику Иа-Иа, на которого чем-то неуловимым походил Йеф-Ич...

«Ну что, брат, — спрашивает умный и неотразимый Штирлиц, сжимая в кармане рукоять пистолета, — хвоста не было?»

«Откуда бы ему взяться? — вздыхает ослик. — Я же его еще с утра потерял...»

«Вот и славно, — прищуривается Штирлиц, вытаскивая...»

Пронзительно засвистел серебристый репродуктор — вверху над парадным и в обычные дни наглухо запертым школьным крыльцом.

«...есть часов московского времени, — оглушительно громко оповестил репродуктор всю школу, и лес за школьной оградой, и кладбище, рассыпанное среди сосенок этого леса, и дальше — весь поселок, куда, если пешком, то пилить и пилить... Радиорупор снова засвистел-захрипел-закашлялся: — ...заботой Коммунистической партии и советского правительства о жителях тех районов, которые в результате аварии на атомной электро... — Потом снова все слова заглушил треск, его сменил резкий, разбойничий какой-то свист и опять захрипело — в этот раз совсем надолго. — ...переменная облачность, без осадков, температура воздуха 19 градусов по Цельсию. Вы слушали прогноз погоды на сегодня, 28 мая 1986 года. А теперь...» — Репродуктор еще раз свистанул и затих...

Угуч лежал клубком в одном из своих тайников-укрытий. Этот был обустроен в корневище здоровенной ели, которая вцепилась в самый край крутого оврага. Благодаря такому расположению, заросли переплетенных корней с той стороны ели, что глядела в овраг, свисали открытыми, пока не доставали до земли, чтобы уже там вкрутиться в нее изо всех сил и удерживать могучую мачту дерева. За этой занавесью корней и располагалась тайная берлога Угуча.

Сегодня Угуч поднялся чуть свет, и потому не было ничего странного в том, что он закемарил в этом своем укрышке,

в стороне от непрестанно гомонящей суеты интерната. Если бы не вопли из репродуктора, он, может, проспал бы до самого обеда. А куда ему спешить? Уроки в шестом классе закончились уже с неделю как... Хотя и на уроки он давно уже не спешил и редко ходил, даже зная, что Йеф опять будет по этому поводу выговаривать да втолковывать какие-то невзаправдашние книжные истины... Ему ведь учеба не впрок. Спроси хоть кого, кроме Йефа конечно, — каждый учитель и каждый воспитатель подтвердит, что не впрок. Даже тетя-Оль...

Угуч вспомнил, что ему надо было помогать на кухне. Наверное, тетя-Оль волнуется, думает, куда это Угуч запропал... Спрашивает одного, другого — не видал ли кто?.. А кто ж его увидит, когда он в укромке своей, о которой никто ничего... Может быть, она даже нашла Йефа, остановила его и спрашивает: не видел ли? не знает ли?..

Надо бежать, пока они там не подняли тревогу... Да какую тревогу? Будут они тебе из-за какого-то убогого недоумка тревожиться!..

Угуч окончательно проснулся.

* * *

Первый раз он сегодня проснулся, едва засветало. Его разбудил Махан. Сперва Угуч даже испугался, увидев перед собой страшное лицо, но потом признал Махана, только с жуткими подглазьями, заплывшими в сплошной синяк.

«Наверное, это из-за вчерашнего падения с лошади, — догадался Угуч. — Только ведь Махан сам виноват. Он долго выпрашивал эти свои синяки».

И правда выпрашивал. С того самого времени, как пришел в эту школу и увидел кентавра Дим-Дана, а увидел он счастливый полет Угуча и Даньки на второй или третий день нового учебного года. Весь класс выстроился на уроке физкультуры и вот тут рядом с дорожкой, на которой физкультурничали шестиклашки, наискосок по футбольному полю пронесся Угуч с Данькой на плечах — пролетел, проскакал и скрылся в лесу. («Значит, сынок сачкует, — непонятно прошипел Свисток-с-кепкой. — Значит, папанька отсутствует. А где же он, скажите, пожалуйста».) Потом из-за деревьев раздался лихой свист Даниила, и этот свист окончательно добил Махана. Жгучая зависть поселилась в его довольно добродушном сердце и корежила его изворотливую душу.

Сначала он просто и честно предложил Угучу стать его, Махановым, персональным конем. Не на все время, а только в исключительно важных случаях. Может, только раз в год и — все. Они же дети советских разведчиков и должны помогать друг другу. А кроме того, Махан — главный, и Угуч должен во всем его слушать.

Махан чуть ли не силой влез Угучу на плечи и взялся командовать: «Вперед!», «Стой!», «Повернись!»... Угучу и не трудно, тем более Махан оказался совсем легким — вот только сидел он как-то незграбно, все время боялся упасть, уцепился в волосы, ногами стискивал так, что и не вздохнуть, цапал за лицо и даже глазам закрывал обзор мира. Наверное, все это Угуч стерпел бы, но Махан категорично потребовал, чтобы Угуч перестал возить Даньку да и вообще перестал с ним возиться.

— Ты пойми, он же Неделок, — повторял Махан подслушанное прозвище Даниила, которым его безо всяких